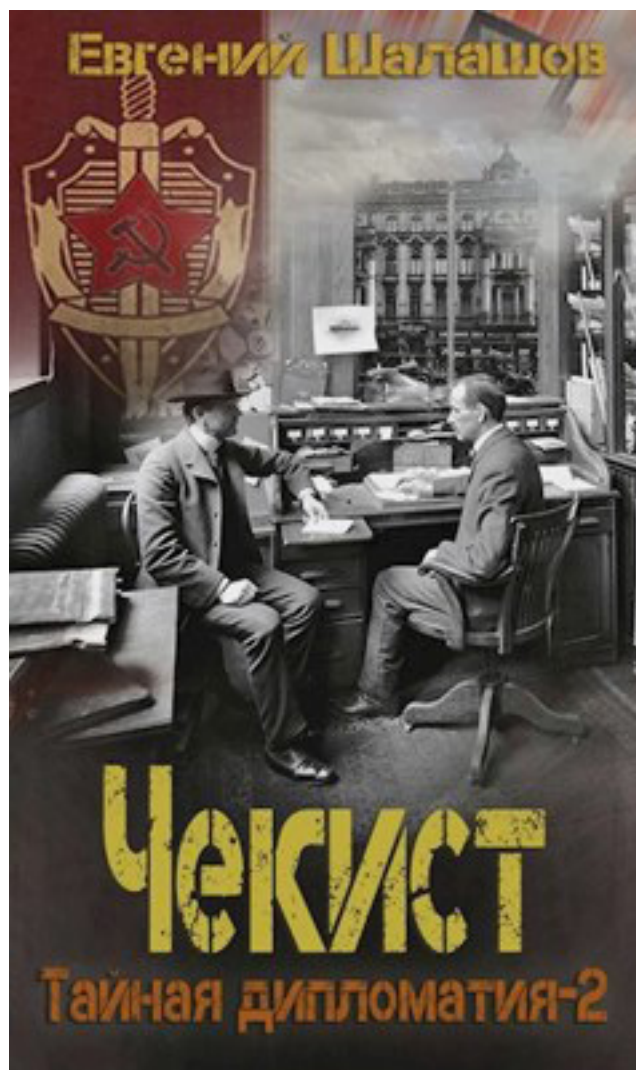

Евгений Шалашов

Чекист

Тайная дипломатия-2

Чекист

Евгений Шалашов

Чекист. Тайная дипломатия – 2

«автор»

2022

Шалашов Е. В.

Чекист. Тайная дипломатия – 2 / Е. В. Шалашов — «автор»,
2022 — (Чекист)

И опять Владимиру Аксенову приходится совмещать две должности. Нужно покупать то, что требуется молодой Советской России, а еще бороться с ее врагами. А тут еще пришлось жениться и стать графом Комаровским.

© Шалашов Е. В., 2022

© автор, 2022

Содержание

Пролог	5
Глава первая. О несовершенстве	7
Глава вторая. Мышка-норушка	12
Глава третья. Миру – мир!	17
Глава четвертая. Аванс для мышки	22
Глава пятая. Выстрелы в лавре	27
Глава шестая. Писатель из глубинки	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Евгений Шалашов

Чекист. Тайная дипломатия – 2

Пролог

Я летел долго, но упал на что-то мягкое. Верно, брякнулся удачно, на облако. Сквозь веки пробивается яркий свет, по ушам бьют мерзкие вопли, похожие на смех поросенка. Это что, ангелы так орут? Не может такого быть, чтобы так гнусно. Надо самому глянуть.

– Очнулся! – услышал я радостный голос. И знакомый, кстати.

Сфокусировав взгляд, узрел, что передо мной сидит Артур Артузов. Перевел взор повыше, увидел окно, с давно не мытым стеклом, открытой форточкой, из-за которого и доносятся вопли. Сделав усилие прислушался, осознав, что орут чайки. А я-то думал, что чайки на зиму с Финского залива улетают в теплые страны. В Норвегию, где Гольфстрим. И хорошо, что чайки – это не ангелы. Потом до меня дошло, что коли здесь сидит Артур, живехонький-здоровехонький, то и я жив. И подо мной никакое не облако, а матрац. Между прочем, мог бы быть и помягче.

– Я к тебе уже третий день подряд приезжаю, а ты без сознания. Хотел товарищу Дзержинскому позвонить, узнать – если помрешь, тебя здесь хоронить, или в Москву везти? Тебе, как герою войны, дважды краснознаменцу могила на Красной площади положена.

– Шутник ты, товарищ Артузов, – хмыкнул я.

– У тебя научился, – парировал Артузов. – Раньше бы такие шуточки в голову не пришли.

Испортился Артур Христианович. Скажут потом, что мое дурное влияние. А я, значит, третий день валяюсь?

– Потери большие? – поинтересовался я.

– Точно не знаю, но с нашей стороны около ста человек убитых, а сколько раненых, так вообще не скажу, – пожал плечами начальник контрразведки республики. – Если интересно, то из добровольцев-делегатов погибло четверо. Говорят, что могло быть и хуже, если бы ты народ в атаку не повел, – сообщил Артузов. – Кстати, от имени коллегии ВЧК довожу до твоего сведения, что товарищу Аксенову, за самостоятельность объявлен строгий выговор с занесением в личное дело. Еще одно нарекание – и слетишь с должности начальника отдела.

– Так и ладно, – хмыкнул я, прислушиваясь к самому себе – где у меня болит, и болит ли вообще? Осознав, что ничего не болит, сказал. – Выговор не триппер, носить можно. А снимут, так плакать не стану, наоборот, порадуюсь.

– А ты не торопись, – хохотнул Артур. – Вчера товарищ Дзержинский звонил, сообщил, что с тебя этот выговор уже сняли за героическое поведение во время подавления мятежа. Да, поздравлять-то вроде и рано, но тебя представили к ордену Красного знамени. Еще друга твоего, комиссара Спешилова, и Фабрициуса. Вроде, еще кого-то, но не помню.

Радоваться третьему ордену я не стал, по опыту знал, что представление это одно, а получить награду – совсем другое.

– Витька, то есть, комиссар Спешиллов, он как? – спросил я.

– Руку ему слегка зацепило, но ничего, в мякоть, уже бегают, пленных матросов основам коммунизма учит.

– Это хорошо, – одобрил я поведение Виктора и спросил о самом главном и интересном: – Что с матросиками-то случилось? Отчего буза?

– Как ты иной раз любишь говорить – здесь все «до кучи», – глубокомысленно изрек Артур Христианович. – Корни-то в Петроград идут, там уже два года финская разведка орудовала. Хотя, финская она только по названию – в основном, русские эмигранты – белогвар-

дейцы. И Петрочка проморгала, и особый отдел Балтийского флота. И здесь, в Кронштадте, целое гнездо свили. Установлено, что с финнами уже с полгода налажена радиосвязь. Кстати, я еще разбираться буду – почему армейцы не доложили о радиоперехватах? Есть же на Балтике пеленгатор, так в чем дело? Или внимания не обратили, или проморгали. Расшифровать не смогли? Могли бы нам передать, мы бы все сделали. Ну, о самом худшем варианте я промолчу.

– А кому подчиняется особый отдел Балтийского флота? – поинтересовался я. – Разве не тебе?

– По закону, вроде бы мне, – скривился Артузов. – Но Раскольников, как командующим флотом стал, свою политику повел, а его в этом Троцкий поддержал. РВС на Балтфлоте ликвидировал, особые отделы на себя замкнул. Мол, контрразведка флота выполняет свои задачи, и, потому, он находится в оперативном подчинении штаба флота. Ничего, теперь мы ее опять переподчиним.

– У тебя хоть в армии ребята толковые. Вон, один Побажеев чего стоит, – утешил я друга.

– Парень толковый, – кивнул Артур. – Как война закончится, армию расформируют, поставлю парня особым отделом Петроградского военного округа командовать.

– И правильно, – кивнул я и, посмотрев на Артузова, спросил. – А что еще интересного?

– А что интересного? – переспросил Артур. – Например, тот факт, что начальник артиллерии Кронштадта, бывший генерал Козловский, лично с Маннергеймом знаком. Они в девятьсот четырнадцатом году воевали рядом. Маннергейм кавалерийской бригадой командовал, а Козловский артиллерийской. Настоящим-то руководителем был Козловский, а Петриченко он так, свою роль исполнял. Все-таки, для матросов кость в горле, если бы ими царский генерал командовал. Когда с финнами война началась, в армию из Кронштадта только добровольцев брали. Так вот, самые надежные товарищи на фронт ушли, а колеблющиеся и всякие недовольные остались. Моряки с «Севастополя» и «Петропавловска» недовольны, что их корабли из Петрограда сюда перевели. В Питере-то и жить слаще, и девок больше. Раскольников он постоянно гайки закручивал, а среди братвы анархистов много, они свободу любят. Из РКП (б) в прошлом году почти четверть партийцев ушла, разбираемся, кто среди них в партии анархистов состоял. Петриченко – он тоже бывший анархист. Понятно, что у финнов свой расчет был – если восстание начнется, то с фронта части снимут и сюда отправят. Не рассчитали, что Фрунзе так быстро действовать станет. Козловскому с Петриченко финны пообещали, что примут к себе, в случае чего. Еще среди моряков немало латышей и эстонцев, эти домой хотят, а дом их уже за границей. Им тоже пообещали, что к финнам уйдут, а оттуда на родину. Может, вообще бы никакого восстания не случилось, если бы продовольствия в крепости больше было. А здесь, когда людей на фронт отправили, сухари, консервы и все прочее вместе с ними ушло. Остались крохи муки, крупы всякие, но их кто-то керосином облил. А из Петрограда подвезти нечего, все на фронт отправлено.

– В общем, и контрреволюционеры, и белофинны воспользовались ситуацией, – констатировал я. – Причины для недовольства были, а повод для мятежа создали искусственно.

– Вроде того, – кивнул Артузов. Встав, Артур протянул мне руку: – Ладно, товарищ Аксенов, выздоравливай, а я пошел работать. – Уже на выходе, усмехнулся. – И как ты умудряешься к себе женщин привязывать?

– Каких женщин? – протянул я в недоумении.

– Таких вот, молодых и красивых, – хмыкнул Артузов. – И очень настойчивых. Девушка, между прочем, тебя в Москве искала. Узнала, что ты в госпитале, три дня ухаживала.

– А кто такая? – с обмиранием в сердце спросил я. – Не Капитолина, которая еще и Полина?

– Полина, эта та комсомолка, что письма писала? Нет, не она, не пугайся. Девушку Машей зовут. Но она девушка строгая, лучше ее Марией Николаевной звать. Сам увидишь и познакомишься.

Глава первая. О несовершенстве

К Артузову у меня оставалось еще немало вопросов, но мой боевой товарищ заторопился. Резко вскочил, принялся натягивать шинель. Понятное дело, что у начальника контрразведки ВЧК после подавления мятежа множество нерешенных проблем и он большой молодец, что уделил немного времени раненому товарищу, но так просто я не хотел его отпускать. Правда, о чем хотел спрашивать, отчего-то запамятовал, но кое-что вспомнил.

– Артур, подожди немного, – попросил я, приподнимаясь на локте, чтобы заглянуть в тумбочку у изголовья кровати.

Оказывается, слегка перехвалил самочувствие. Пошевелился, резко крутанул головой, а она не просто заболела, а заболела нестерпимо, к горлу подступила тошнота, перед глазами начали расплываться красные круги. Замер, перевел дух и уронил голову на подушку.

– Ты как? – забеспокоился Артузов, помогая мне улечься поудобнее. – Доктора позвать?

– Нормально, – сообщил я, пытаюсь не хрипеть. Кстати, не слишком-то и врал. Если башкой не трясти, то вроде и ничего. Стопудово, что сотрясение мозга. Даже шутить не хотелось – мол, сотрясать нечего. Еще разок перевел дух. Фух, уже лучше.

– Артур, будь добр, осмотри мою тумбочку. Что у меня там?

Артузов послушно выдвинул верхний ящик.

– Ордена лежат, партбилет, служебное удостоверение и мандат делегата съезда, а больше ничего нет. – сообщил он. Открыл дверцу: – А тут вообще пусто.

– Вот это и плохо, – изрек я.

– А тебе что нужно? – спросил Артур и тут же повинился. – Извини, что я без передачи пришел, но я же не знал, что ты уже оклемался. Сейчас в штаб вернусь, отправлю кого-нибудь по лавкам. Для апельсинов уже не сезон, да и яблок не найдем, но что-нибудь да разыщем. Шоколад там, конфеты. Вот, кофе тебе сейчас нельзя, да и не отыщу я в Питере кофе. Да, щетку зубную, порошок. Пришлю.

– Да я не про это, – отмахнулся я. – Мне сейчас и есть-то не хочется. У меня же браунинг был, куда он мог деться?

Артузов только пожал плечами. И впрямь, он-то откуда знает, куда девалось оружие? Помнится, я им размахивал, когда мы пошли на штурм форта. Нелепо, конечно, размахивать браунингом перед жерлами пушек да пулеметными стволами, но как иначе вдохновлять народ на атаку? Видимо, когда я схлопотал кусочек шрапнели, то пистолет вылетел из руки, а теперь стал либо чьим-то трофеем, либо так себе и пролежит до оттепели, а потом благополучно утонет в Финском заливе. Не везет мне с браунингами. Еще хорошо, что в моем удостоверении, где прописано разрешение на ношение оружия, нет ни марки, ни номера табельного пистолета, как у рядовых чекистов.

– Ты с кем воевать собрался? – удивился Артур. – В город тебе еще рано выходить, да и с постели-то пока не встанешь. У тебя и так персональная палата, как у большого начальника, даже санузел отдельный, чтобы по коридору не ходить, а у входа в госпиталь часовой стоит. Хочешь, я тебе пару своих парней пришлю, чтобы спокойнее было?

– Да уж какой мне город, – хмыкнул я, представляя, как сейчас выглядит моя физиономия. И зеркала не надо, чтобы сообразить – глазенки узкие, отеки и синяки в половину лица. – Если из госпиталя выйду, все разбегутся.

– Но я-то пока не сбежал. Значит, не все так плохо, – утешил меня мой друг Артур Христианович. Вдохнув, начальник контрразведки полез в карман шинели. – Эх, Володя, я как чувствовал, – сказал он, вытаскивая оружие. – Знаю, что ты такие револьверы не любишь, но чем богаты.

Почувствовав в руке холод стали, с трудом раскрыл один глаз, потом второй, сфокусировав зрение на револьвере. А это даже и не револьвер вовсе, а самозарядный пистолет Кольта. Если судить по надписи на левой стороне рамки – «английского заказа». На самом-то деле заказ нашего военного ведомства, просто в США его размещало британское правительство по просьбе России. Не знаю почему, но эти кольты у нас именовали револьверами. Эффективное оружие – бой резче, чем у нагана, калибр больше, скорострельность выше. Да, и патроны непривычные, толстенькие.

– Вот еще возьми.

Артур кинул мне на постель пару сменных обоев, открыл рот, чтобы что-то сказать, но не успел.

– Товарищ Фраучи, ты еще здесь? И какого хрена? Просился на пять минут, а сидишь уже час, без малого.

Это кто там говорит таким противным голосом, да еще назвав Артура по фамилии, которую он уже и сам начал забывать? А, так это докторица. Длинная и тощая, словно жердь, страшная, словно финская война, и возрастом сравнимая с войной Крымской.

– Это не я виноват, а товарищ Аксенов. Я бы давно ушел, а он мне – посиди минуточку, да посиди. А как отказать контуженному?

От такого предательства друга я онемел. Хорошо, что башка болит и говорить трудно, а не то сказал бы ему пару ласковых. А Артур Христианович, гад такой, еще и изгалялся:

– Мне уже давно на службу пора, а он все вопросы дурацкие задает. Тетя Аля, ты ему укольчик успокаивающий сделай, чтобы он спал побольше.

– Фраучи, ты меня давно знаешь. И не тетя Аля, а здесь я тебе Алевтина Георгиевна. Я тебе самому сейчас такой укол сделаю, что неделю на жопу не сядешь. Марш отсюда, засранец.

Гроза шпионов и диверсантов товарищ Артузов выскочил из палаты, словно мальчишка, застигнутый грозной соседкой около любимой яблони. Похоже, с докторшей он знаком давно. Вполне возможно, что она в детстве ему уши крутила, такое запоминается надолго.

– А вам больной, зачем в госпитале пистолет? Ну-ка быстро отдайте. Как выписываться станем, тогда отдам. А Артурчику я еще задницу надеру, чтобы оружием не разбрасывался.

Докторша резко ухватила пистолет за ствол и потянула его на себя. Что ж, пришлось уступить грубой силе, а иначе могло бы случиться несчастье. Но неожиданно Алевтина Георгиевна хмыкнула и вернула мне кольт.

– Реакция нормального человека, – констатировала она. Посмотрев на мой озадаченный вид, улыбнулась, продемонстрировав крепкие прокуренные зубы. – Хотела проверить, не очень ли сильно сказалась контузия? А так, вроде и ничего, можно вам пистолет доверить, стрелять в потолок, а тем паче в окно, не станете.

– Вы бы э-э Алевтина Георгиевна поосторожнее со своими экспериментами. А если бы пистолет случайно выстрелил? – поинтересовался я. Докторша только повела костлявыми плечами:

– Я, когда в земской больнице трудилась, однажды у сумасшедшего мужика ружье отби-рала, что мне такая пукалка?

Хотел сказать докторице, что у сумасшедших может оказаться осколочная граната, но не стал. Тетка взрослая, сама должна понимать.

– Вы, молодой человек, сами будьте поаккуратнее со своими игрушками, – почти ласково проскрипела она. – Заиграетесь, так можете, невзначай другую игрушку отстрелить, более важную, а вами уже девки интересуются.

Грубоватые слова в устах костлявой Эскулапши казались нарочитыми и какими-то несоответствующими.

– Merci, Madame¹, – поблагодарил я.

– Il n'y a pas de quoi, – парировала докторша на чистейшем французском, а потом добавила с усмешкой. – Mais il est préférable de parler russe, vous avez une prononciation terrible².

– Еще раз мерси, – отозвался я, выдавливая из опухшего лица ухмылку. – Только замечу, что и вам не идут простонародные выражения.

– В моем возрасте, молодой человек, уже глубоко насрать, что идет, а что нет, – поведала Алевтина Георгиевна. – Могу себе позволить такую роскошь говорить так, как сама хочу. Это вы еще должны выбирать – как говорить, и кому. Вот, когда доживете до моих лет, тогда и поймете. Хотя, – заметила докторша, критически оглядывая меня, – учитывая состояние вашего тела, шрамы, до моего возраста вы точно не доживете. Сколько вам лет?

Действительно, сколько? Кажется, не то пятьдесят, не то пятьдесят два. Тьфу ты, мне же в два раза меньше.

– Осенью двадцать три стукнет, – гордо сообщил я, а потом скромно добавил. – Ежели, конечно, до осени доживу.

– М-да, – протянула докторша. – Я думала, что вам хотя бы лет тридцать.

Что ж, не она первая и, думаю, что не последняя, кто считал, что мне больше лет, чем есть. Привык. А Алевтина Георгиевна, сердобольно покачав головой, сказала:

– Вам сейчас спать нужно как можно больше. Я вам пару пилюль веронала оставлю.

Веронал? Вроде бы, в *моем* времени он запрещен из-за побочных эффектов – слабости, сонливости и еще чего-то там, но голова разболелась не на шутку и я покорно слопал обе пилюли, запил водичкой из стакана, поднесенного докторшей и начал проваливаться в спальный сон. Напоследок еще подумал, что надобно пошукать во Франции, да прикупить каких-нибудь снотворных препаратов, более щадящих. Димедрола, что ли. Но не уверен, что его уже изобрели.

Проснувшись почувствовал себя значительно лучше. Сумел встать, сходить в туалет и умыться. Слабость ощущалась, но зато не было ни тошноты, ни головокружения. Жутко хотелось пить. Подумал уже, что плюну на страхи и напьюсь из-под крана сырой воды, но обнаружил на тумбочке графин. Ухватился, жадно припал к горлышку и только потом заметил, что рядом стоит стакан. Теперь захотелось есть. Решив, что нужно выползти в коридор и отыскать какой-нибудь медицинский персонал, наткнулся на докторицу.

– Ого, товарищ Аксенов изволил проснуться, – сказала Алевтина Георгиевна, входя в палату. Ухватив меня за руку, развернула лицом в сторону кровати. – Но вставать пока рано, ложитесь.

– Я есть хочу, – капризным тоном сообщил я, устраиваясь на постели.

– Еще бы ты не хотел, – хмыкнула докторша, переходя на ты. – Двое суток без сознания был, а еще сутки спал.

– Спал сутки? – слегка обалдел я. – То-то меня всего шкалит.

– Что делает? – переспросила докторша.

– Ну, это когда корёжит, словно с бодуна. Жесть, в общем.

Алевтина Георгиевна посмотрела на меня с неким сомнением. По маленьким глазенкам видно, что решает вопрос, а не стоит ли вызывать санитаров? Но вместо дюжих мужиков вызвала девчущку с подносом, на которой стояла миска с жидким рисовым супом и сиротливо лежал одинокий сухарик. Я мысленно вздохнул и в два приема все слопал, даже не заметив вкуса.

– Может, еще мисочку? И пару сухариков, – жалобно попросил я. – Все-таки, я не месяц голодал, а поменьше.

¹ Думаю, понятно и без перевода.

² Не за что. Но лучше говорите по-русски, у вас ужасное произношение. (фр.)

– Попозже, – строго сказала докторша, но потом, слегка сжавшись, уточнила. – Если в желудке удержится, то через час еще пришло. А теперь – отдыхай.

Сколько раз повторял слова Лиса из «Маленького принца», что в мире нет совершенства. Вроде бы, мечтаешь выспаться, отдохнуть от тревог и волнений, а когда наконец-таки представляется такая возможность, так и спать не хочется и на приключения тянет. Это я про свое пребывание в госпитале. Спи себе, сопн в обе дырочки, так не хочется и голову ломай – а как там, во Франции, без меня? Может, наше торгпредство уже развалилось, а мои подчиненные, предоставленные самим себе, пустились во все тяжкие? Александр Петрович, скажем, вместе со Светланой Николаевной решили эмигрировать в Исландию, а Кузьменко, оставленный за старшего, закупил на все деньги какой-нибудь ерунды, вроде лекарств с радием или зафрахтовал судно, загрузив его гнилой пшеницей? И как там Потылицын, призванный объединять вокруг него весь белогвардейский бомонд? Но все это, вместе взятое, перекрывалось мыслями о Наташке. Как она там? Мысли пытался гнать, но они лезли.

Вот так вот, ломай голову, а она, зараза такая, время от времени еще и болит. Не чрезмерно, но все равно неприятно. Алевтина Георгиевна пожимала плечами и предлагала веронал, от которого я отказывался. Еще она сообщила, что в моем случае имели место контузия, сотрясение мозга и ушиб груди, в которую угодил осколок. Удачно, что попал в «Красное Знамя», а иначе случилось бы проникающее ранение.

Эх, жалко, орден теперь покоренный. Можно бы и такой носить, чтобы народ видел – вот он, герой, но не стоит. Надо во ВЦИКе дубликат запросить или копию ювелиру заказать.

Через неделю мне стало совсем хорошо, голова перестала болеть, но и докторица, и прочий медперсонал напрочь отказывались дать хотя бы какую-нибудь газету. Мол – больному нельзя волноваться, а чтение советских газет выздоровлению не способствует. Ну как они не понимают, что без информации мне гораздо хуже? И Артузов, собака такая, не появляется. Пару раз присылал передачи с шоколадом и пряниками, мыльно-рыльными принадлежностями, но сам и носа не показал. И этой загадочной Марии Николаевны тоже не видно. Может, ее бы уговорил принести свежую прессу или хотя бы какие-то новости узнал.

Единственное, что удалось выбить из эскулапов, так это свежий номер альманаха «Боспор Киммерийский». И что за название-то? Даже не враз и понял, что «Боспор Киммерийский» – это Керченский пролив. Стало быть, альманах издан в Крыму. Крым же еще недавно был вражеской территорией, а теперь, под главенством генерала Слащева благоденствует и процветает. А не процветал бы, так с чего альманахи выпускать?

Альманах позиционировал себя как литературно-художественный, тем не менее вступительная статья политическая, потому что посвящалась необходимости объединения Республики Крым и Советской России для аннексии проливов Босфор и Дарданеллы. (Впрочем, аннексия – это уже мой термин.) Анонимный автор разъяснял читателям, что благополучие обоих государств тесно связано с аграрным развитием, а для успешного процветания промышленности и благоденствия граждан позарез нужны проливы, дабы беспопылинно провозить русскую пшеницу на европейские рынки и зарабатывать деньги для восстановления промышленности и транспорта. И что любопытно – альманах считал, что в «освобождении проливов от османского владычества» главную роль должны играть большевики, так как их вооруженные силы более многочисленны, а вот нелегкую ношу распределения прибыли возложить на Крым, потому что он имеет и флот, и нужные кадры для торговли.

А статейка-то интересная. Вполне возможно, что именно так наши вчерашние противники и хотели видеть взаимоотношения двух Российских государств – от нас заполучать силы и средства, а если называть вещи своими именами, то пушечное мясо, а на себя возлагали нелегкую ношу в деле распределения прибыли. Допустим, принципиально нового мы ничего не узнали. В большой политике идеалом всегда являлись не равноправные отношения между государствами, а подчинение одной стороны другой. И кто сказал, что в случае победы

Антанты (если бы не случилась революция, и мы не заключили бы мир с немцами), Англия и Франция отдали бы нам обещанные проливы?

Любопытно, а руководство РСФСР читало эту статью? Если нет, то надо бы сделать копии и раздать членам ЦК и СНК. И мне выговор, что не уделяю должного внимания ближайшему нашему соседу, а то, что Крым пока находится в ведении КРО, а не ИНО, слабая отговорка. И то, что начальник политической разведки не успевает, еще слабее. Надо срочно засылать в окружение Слащева своего человека, а лучше двух, чтобы получать информацию о планах крымчан. Вот, как только выпишусь из госпиталя и приеду в Москву, так и займусь.

Ладно, а что в альманахе по художественной части? Список авторов впечатлял. Тут вам и Алексей Толстой, и Александр Кондратьев, и Бунин с Куприным. Впрочем, маститым авторам отведено по одной-две странички, потому что большую часть книжки заняла свежая повесть некоего В.И., посвященная победе Александра Ярославовича над шведами. Кстати, в прошлом году сражению на реке Неве «стукнуло» шестьсот восемьдесят лет.

Я думал, что ничего нового о победе русского оружия над свьями уже не узнаю. Об Александре Невском читано-перечитано и даже как-то побывал в Стокгольме, постоял и у памятника Биргеру, и рядом с ратушей, где по словам нашей экскурсоводши и был похоронен ярл. Ан, нет. Оказывается, накануне сражения Александр Ярославович отправил отряд боевых пловцов во главе с Гавриилом Олексичем, снаряженных «греческим огнем», для уничтожения вражеских судов, приказав сохранить в целости три шведских корабля, чтобы остаткам разбитого воинства было на чем убежать. Кстати, вполне разумный поступок оставить врагу лазейку для отступления, а иначе он бы дрался с отчаянием крысы, загнанной в угол. Да и оставшиеся в живых привезут в Швецию весть, что с Великим Новгородом (читай, с Русью), не стоит шутки шутить.

Далее князь Александр, имевший тысячу дружинников против пяти тысяч у шведов, использовал в бою военную хитрость – приказал наловить лосей, привязать к их рогам горящую паклю, а потом направил живые огненные тараны на лагерь неприятеля. Скандинавы, на которых ринулись обезумевшие животные, изрядно опешили, а русские витязи, скачущие следом, воспользовались суматохой и перебили шведов. А ярл Биргер получил увечье не от копья Александра, а от рогов самого крупного из лосей, на котором как раз и сидел сам князь. От того, дескать, шведы до сих пор отрицают свое нашествие на реку Неву и факт получения травмы ярлом. Все-таки, Биргер очень почитаем в Швеции и как правитель, и как основатель Стокгольма, а признавать рану, полученную от какого-то лося, неприлично.

Кому как, а мне повесть понравилась. Читать интересно, претензий на научность в ней нет, а как художественное произведение вполне себе стоящее, имеющее право на существование. Может, по примеру прочих «попаданцев» и мне начать заниматься литературным трудом? Не стану передирать Пикуля или публиковать стихи Владимира Семеновича, а напишу свое, выстраданное. Например – попадание кавалерийского эскадрона на Бородинское поле. Хотя, эскадрона маловато будет. Даже полк французы разделают. А вот ежели всю Первую конную отправить в тыл армии Наполеона, да еще обеспечить рубакам пространственно-временной туннель для поставок боеприпасов, пополнения и эвакуации раненых? Ух ты, как интересно! Нет, не стану. Даже если напечатаю под псевдонимом, то Семен Михайлович все равно прознает, и собственноручно меня зарубит за такую фантазию.

Глава вторая. Мышка-норушка

Мария Николаевна, загадочная девушка, мне не понравилась с первого взгляда. Я фантазировал, представляя себе русскую красавицу – кровь с молоком, с русой косой, а тут, можно сказать, сплошное разочарование. Как говаривала моя покойная бабушка – ни кожи, ни рожи. Сама мелкая, жидкие волосы зачесаны назад, остренький носик, кожа истыкана черными точечками. Не девушка, а мышка-норушка. И одета, хоть и с претензиями на городской шик (вон, муфточка, хотя уже конец марта), но пальтишко заношенное, а юбка старая. Но уж коли она пришла, и, как говорил Артузов, ухаживала за мной в первые дни, то выгонять девицу было неудобно. Интересно, чего ей от меня нужно?

– Итак, барышня, что привело вас ко мне? – поинтересовался я, потом спохватился. – Огромное вам спасибо за заботу и внимание.

– Не за что, – ответствовала барышня, пожимая плечиками. – Я и всего-то пару раз за вами постель перестелила.

Я слегка смутился. Кому приятно осознавать, что ходил под себя? Елки-палки, когда читаешь книги о раненых рыцарях, за которыми ухаживали прекрасные дамы, то почему-то нет ни словечка о мокрых простынях и пролежнях. Впрочем, за рыцарями, скорее всего, ухаживали служанки, а дамы только руководили.

– Значит, двойное спасибо, – выкрутился я, а потом снова спросил: – Так все-таки, чему обязан?

– Все дело в брате, – сообщила Мария Николаевна. – Он считает, что вы обязаны мне помочь.

Пока лежал, у меня было время сопоставить и сообразить, что это за незнакомка такая, но мне хотелось услышать ее версию, и я спросил:

– А кто у нас брат?

– У нас с вами не может быть общего брата, – отрезала барышня.

М-да, с чувством юмора у нее тоже плохо, все слова понимает буквально.

– А как же идея, что все люди братья? – хмыкнул я. – Как я понимаю, вы сестра гражданина Семенцова, бывшего студента Горного института и уголовника?

– А что такого? – сделала удивленный вид сестричка Семенцова-Семенова. – Мой брат не на большой дороге с дубиной стоял, не кошельки у убогих отбирал, а занимался подделкой денег Российской империи. Я считаю, что это его вклад в борьбу с преступным царским режимом.

– Ладно, не стану спорить, – развел я руками, хотя и был в корне не согласен с барышней. – Скажите-ка лучше, почему ваш брат считает, что я кому-то обязан помочь, тем более вам? За вашу заботу обо мне я могу вам выразить только большое спасибо, но не более.

– Но Андрей же вам помогал, – сказала Мария Николаевна. – Он у вас и в Архангельске был ближайшим помощником, и потом, на фронте. Он же вам два раза жизнь спас. И товарищ его, который художник, говорил, что Аксенов без моего брата ничего не делает, обо всем советуется.

Вон оно как. Наболтал гражданин Семенцов-Семенов. Рассказать что ли девушке о жествах ее брата? О том, что сам до сих пор удивляюсь, что Семенцова не расстрелял, а хотелось. Правда, свое помилование отработал уголовник с лихвой. Потому, зашел издалека:

– Сказка такая есть, «Бобик в гостях у Барбоса» называется. Не читали? А зря³. А суть такая – позвал как-то пес Барбос к себе в гости пса Бобика. Все своему другу показал, за стол усадил, накормил и напоил. Заодно кастрюлю с киселем пролил и пирог на пол уронил. Хва-

³ Возможно, Мария еще прочтет сказку Носова. Если доживет.

стался – здесь все мое, что хочу, то и ворочу. А хозяин, если он себя плохо ведет, получит трепку. Потом оба пса от избытка чувств поиграли, разгромили квартиру и заснули на хозяйской кровати. И чем все закончилось, догадываетесь?

– А что тут догадываться? – хмыкнула девушка. – Пришел хозяин и выкинул обоих псов на улицу, да еще и трепку им задал. Только, зачем Барбос Бобика за стол усадил? Разве собаки едят за столом?

– Так это же сказка, – вздохнул я. – А в сказке, как и в басне, самое главное – это мораль. Какая мораль из рассказов вашего братца, если сопоставить со сказкой?

– Одно из двух – либо мой брат изрядно насочинял о ваших с ним взаимоотношениях, либо вы не желаете отплатить добром за добро, – сделала вывод Мария Николаевна.

Вот ведь, настырная. А с другой стороны, разве она обязана верить чужому дядьке? Брат, как ни крути, вызывает больше доверия.

– Хорошо, Мария Николаевна, вы меня убедили. Предположим, у меня есть определенные обязанности перед вашим братом, а на вас переходит часть этих, скажем так, предпочтений. Тогда у меня вопрос – что именно я смог бы для вас сделать? Помочь вам деньгами, устроить на службу? Вы же, если не ошибаюсь, учительница? Чем плоха ваша работа? Учитель – творец человеческих душ.

– Попробуйте сами поработать, – огрызнулась девушка. – Как работать, если на сорок человек в классе всего один карандаш? На уроках пишем на старых газетах. Я уже всю сажу из печки выскребла, когда чернила варила.

– И как они? – заинтересовался я, вспомнив заявку от Луначарского, в которой нарком просвещения заказывал дикое количество чернил и бумаги.

– Дрянь.

Значит, придется все-таки чернила закупать и в Россию везти. Мне снова захотелось вздохнуть, но слегка постаравшись, подавил в себе это желание, а Мария Николаевна продолжила говорить:

– Но это ладно, еще пережить можно. У нас сейчас педология господствует. Знаете, что такое? Вот и не надо знать. Коротко – процесс производства нового человека, на основе комплексного подхода к ребенку. А я хочу не подходы делать, а учить детей русскому языку и литературе. Получается же не занятия, а сплошное психологическое тестирование. Тестим детей, тестим, а зачем? Я бы еще поняла, если бы была реальная возможность что-нибудь изменить, а у нас на основе тестирования одна сплошная отчетность и вышестоящие указания. Но еще скверно, что во главе школы не директор сейчас стоит, а учком, в котором лоботрясы сидят, из числа старшеклассников. Сидят, решают – кому из шкрабов в этом месяце паек поменьше давать, а кому побольше.

– Как я понимаю, вам, из-за скверности характера, паек поменьше дают? – хмыкнул я, а Мария Николаевна, не обидевшись, кивнула: – И паек мне меньше, и на разгрузку дров с углем отправляют в первую очередь. Я же к вам пришла как раз после того, как две недели вагоны с углем разгружала.

Понятно, где пропадала Мария Николаевна. Значит, уголь разгружала. Сурово. Я бы тоже из школы сбежал, если бы заставляли уголь грузить.

– Убедили, – согласился я. – Из школы вам нужно уходить. Но у меня к вам вопрос – как я смогу вас трудоустроить и на какую должность вы рассчитываете?

– Я хочу работать в ВЧК, за границей, – твердо сказала учительница русского и литературы.

Забавно. Впервые в моей практике нашелся человек, пожелавший работать в ВЧК. В романтику «чекистских будней», проявившуюся у дочки статского советника я не слишком-то верю. Или девушка просто хочет использовать возможность сбежать из Советской России? Вот это плохо, если так.

– Почему в ВЧК, да еще за границей? – поинтересовался я. Любопытно, как станет формулировать?

– Я не скрываю, что хочу уехать из России. Но я не хочу убегать, не хочу эмигрировать. У меня здесь дом, мой отец. Я хочу работать, хочу возвращаться на родину. А как я смогу попасть за границу? Это либо торгпредство, либо чека. Но у нас это одно и то же.

Что же, по крайней мере честно. Я ей нужен, чтобы помочь с выездом. Но вот она-то мне зачем нужна?

– Мария Николаевна, вы же прекрасно понимаете, что я возглавляю отдел, который занимается разведкой. Скажите, как вы себе представляете разведчика-женщину?

Девушка слегка сникла и загрустила.

– Про Мату Хари я читала. Понимаю, что женщины получают секретные сведения от любовников.

– Согласитесь на такую роль? – поинтересовался я. – Вы готовы спать с человеком, который вам противен, в обмен на информацию?

Любопытно, что она сейчас сделает? Даст мне пощечину или согласится? Пощечину переживу, сдачи давать не стану, но укажу девушке на дверь. Ежели согласится, так почему бы не взять? Можно много рассуждать о морали, но «постельная» разведка – вещь нужная. Найдем парикмахера, подкрасим, припудрим, одежду купим.

Мария Николаевна помолчала, прикусила тонкую нижнюю губу острыми мышиными зубками и промямлила:

– Я бы и согласилась, но кто на меня позарится? И опыта нет. У меня до сих пор ни кавалера не было, ни любовника.

Эх, а вот это плохо. Девственница в таком деле – явление непредсказуемое. А вдруг возьмет, да и влюбится в объект разработки, да и пошлет подальше собственного работодателя?

– Мне один мастеровой в трамвае как-то сказал – мол, на такую как ты, я позарюсь только после бутылки. Он, разумеется, немного по-другому сказал, но суть та же. Но какие секреты человек может выдать, если он целую бутылку выпьет? А я могу быть переводчицей с французского или немецкого, умею печатать на машинке.

Я призадумался. Переводчик с французского или немецкого никогда лишним не будет, но ради этого устраивать девушку в ВЧК? Хм...

– Мария Николаевна, меня к вам такой вопрос – как вы узнали, что я нахожусь в России, да еще и в госпитале? Только не говорите, что брат вам письмо написал.

– А здесь все просто, – пожала плечами барышня. – Позвонила в Москву, на Большую Лубянку, мне и ответили, что товарищ Аксенов в Петрограде, возглавляет отряд, направленный на подавление мятежа. Позвонила военному комиссару, узнала адрес, где разместили отряд. Потом позвонила в казарму, узнала, что вы ранены, в каком госпитале.

– Так вот, просто взяли и позвонили? – вытаращился я. – И вам просто так ответили и на Лубянке, и в военкомате? И кто, интересно? Вы же по междугородней связи разговаривали. Все так просто?

– Ну, не так, чтобы просто, – хмыкнула Мария Николаевна. – Главное было телефон дежурной части Лубянки найти, но он в «Адресной книге Москвы» есть, а сама книга в читальном зале библиотеки. Я там телефоны выписала, какие были. Телефон дежурного, телефон секретаря Председателя ВЧК. Странно, что телефон Дзержинского там есть, а вашего нет. И звонила я либо из губернского управления образования, либо из жилконторы. Один раз даже из отделения милиции.

Мне стало совсем интересно.

– И что говорили? – полюбопытствовал я.

– Когда из губуправобраза звонила, то говорила, что товарища Аксенова приглашают прочитать лекцию о международном положении в секторе школоведения при Смольном, а

когда из отделения милиции звонила, то говорила, что шпиона поймали, а из жилконторы, что товарищей интересует количество квадратных саженей в квартире, которую собираются предоставить сотрудникам Иностранного отдела ВЧК. Звонила один раз в две недели, мне отвечали. Вначале – мол, товарищ Аксенов в командировке, а потом – мол, приехал, но снова отбыл. В Череповец ездили, так? Главное – не тушеваться и спрашивать уверенно. Я, когда из милиции про шпионов начала спрашивать, так все отделение разбежалось. Дескать, вдруг какую тайну услышат, оно им надо?

Я опять подосадовал на своих коллег. Ну сколько можно талдычить, что по телефону не следует разглашать секретную информацию. А тут какая-то девчонка «развела» и дежурных, и секретарей Дзержинского. Но девушка начала мне нравится. Похоже, что авантюризм – это семейная черта Семеновых. Интересно, а чем занимался глава семейства, статский советник Николай Тимофеевич Семенов, будучи товарищем Петербургского монетного двора? Не чеканил ли фальшивые австрийские марки? Или монеты из коллекции Аракчеева?

– Скажите, Мария Николаевна, а у вас есть опыт торговли? – спросил я, а потом зачем-то решил уточнить. – Мы в Париже под прикрытием работаем, но деньги тоже нужно зарабатывать.

– А еще вы там фальшивые акции сбываете, – сообщила девушка. – А зная Андрюшу, то скорее всего, еще и фальшивые деньги. – Посмотрев мне в глаза, девушка снисходительно улыбнулась. – Когда Андрей последний раз приезжал, он с папочкой в кабинете уединился, но я подслушивала. Папочка не знает, что на двери одна филенка отходит.

Если бы я сейчас не сидел на кровати, то сел бы. И что теперь? Вообще-то, обладателей таких тайн – и Марию Николаевну, и ее папочку, следует посадить в одиночную камеру пожизненно, а еще лучше тихонько где-нибудь утопить.

Если бы я сейчас писал сценарий фильма, где кровавые чекисты занимаются вымогательством и спекуляцией, а убийствами обывателей, то завтра какие-нибудь уголовные элементы забили бы до смерти и папу и дочку. Но я на земле живу и, даже если бы захотел уничтожить опасных свидетелей, то при всем желании этого бы сделать не смог.

– Стало быть, и вы теперь соучастник, – резюмировал я. – Если попадете во Францию, сообщите в газеты или в полицию, что мы с вашим братом торгуем фальшивыми акциями, то на гильотину пойдем вместе. Я стану говорить, что акции вы печатали вместе с братом.

– За фальшивые акции на гильотину не отправляют, – меланхолично сообщила девушка. – За изготовление и сбыт фальшивых ценных бумаг по законам Третьей республики можно получить до двадцати пяти лет каторжных работ. Но вам с Андреем, скорее всего, дадут лет двадцать, а мне не больше десяти. Снизойдут, как к женщине. Я поплачу немножко, пожалуюсь на стесненные обстоятельства, поругаю большевиков.

После таких слов я уже был готов зачислить девушку в отдел переводчицей. Но можно консультантом по французскому законодательству. Я-то такие тонкости не знал, а следовало изучить.

– Да, вы про опыт торговли спрашивали, – вспомнила девушка. – Опыта нет, но торговала. Пайки выдавали с перебоями. У папочки, хоть и по второй категории, как у ценного сотрудника, но все равно, маловато, а мой, учительский, так вообще смешной. Я и серебро продавала столовое, и камушки, и эскиз Репина однажды за четыре мешка муки продала. Жалко, конечно, эскиз Репина, но кушать хотелось.

Четыре мешка муки в голодную зиму, за какой-то эскиз, пусть и Репина? Ну, это вообще шикарно. Нет, определенно такую девушку нужно брать в ИНО ВЧК. Дам ка я ей «вводную». Что ответит?

– А вот скажите-ка мне, Мария Николаевна, – начал я, обдумывая вопрос. – Как бы вы обустроили явку? Ну, такое место, где нужно встречаться с агентами? И чтобы грузы туда можно было привозить и увозить без опасения.

Девушка призадумалась. Интересно, что она сейчас придумает? Похоронное бюро или магазин? Еще вариант – сапожная мастерская. Но Семенцова-младшая «выдала» совершенно непредсказуемую идею:

– Я бы открыла прачечную.

– Прачечную? – удивился я.

– Именно так, – подтвердила барышня. – Туда же в течение дня много людей приходит, автомобили или извозчики подъезжают. В прачечную можно прийти с пустыми руками. Мало ли, вдруг человеку нужно срочно крахмалить манжеты? Мадам какая-нибудь панталончики принесет, тоже бывает. А крупный груз никого не удивит – гостиница белье в стирку привезла, ресторан скатерти и салфетки отправил, больница. И когда увозят обратно, тоже никого не удивит.

Прачечная? Ну почему мне самому не пришла в голову такая идея? Это же так просто. Девчонка гений. Чмокнуть бы ее в щечку, но не буду. Я полез в тумбочку и вытащил оттуда шоколадку Артузова.

– Мария Николаевна, подойдите поближе, – попросил я, а когда девушка подошла, вручил ей плитку: – Считайте, что это ваша первая премия в должности сотрудника Иностранного отдела ВЧК. Как только утрясу все дела, выедем к месту службы, в Париж. Можете увольняться из школы, готовьтесь к работе.

– И я стану хозяйкой прачечной где-нибудь на Монмартре? – поинтересовалась девушка, упикивая шоколадку в муфточку. – Сейчас, наверное, следует изучить прачечное дело? Какое белье при какой температуре стирать, что можно крахмалить, а что нет? В Европе в прачечных уже машины стирают, надо бы выяснить, какие именно, и сколько стоят.

Мне показалось, что сказала с некой грустинкой. Умница. Деловой подход.

– Прачечное дело будет изучать кто-нибудь другой, – успокоил я девушку. – А вы, покамест, гуляйте по Петрограду, побывайте в Эрмитаже, в Русском музее. Можно посетить какие-нибудь частные собрания, если они остались. В общем, приобщайтесь к прекрасному.

Глава третья. Миру – мир!

Девушка, похожая на мышку-норушку, отправилась изучать произведения искусства, Аргузов где-то болтается, не желая навестить старого друга, известий ни от Дзержинского, ни из Парижского торгпредства нет, а меня выписывать не хотят. Вроде бы, ничего не болит, отечность спала и желтизна под глазами сменяется интересной бледностью. Я потихонечку принялся звереть от скуки, но Алевтина Георгиевна, дай бог ей здоровья, распорядилась прислать мне газеты за вчерашний день и за сегодняшний. Тут и «Известия», и «Петроградская правда» и просто «Правда».

Даже не думал, что так изголодался по новостям. Вцепился в листы газет, словно голодный кот в кусок колбасы, и ладно, если не урчал.

Главное, что меня интересовало – события на фронтах. А что мы имеем? В Финляндии нет ничего неожиданного. Красная армия Фрунзе разметала финские части, стремительно продвигается в глубь территории, освобождая крестьян от власти белофиннов и мировой буржуазии. На сегодняшний день линия фронта проходит на рубеже Пори-Тампере, а правительство генерала Маннергейма переместилось в Оулу.

Про города Пори и Тампере сказать ничего не могу, даже не слышал, а Оулу, если не подводит память, расположился на берегу Ботнического залива.

А что, президентом Финляндии теперь Маннергейм? Ему же положено в Лондоне отдыхать. А куда Стольберг девался?

Перевернул страницу и отыскал ответ на свой вопрос в заметке «Почему свергли президента Стольберга?». Оказывается, прогрессивный, хотя и мелкобуржуазный президент Стольберг, помиловавший участников гражданской войны и собиравшийся провести социально-экономические реформы в пользу трудящихся, неделю назад был смещен со своего поста кровавым палачом революционного движения и бывшим царским генералом Маннергеймом, прибывшим из Европы и не пожелавшим смириться с очевидным поражением финской армии.

Ишь ты, Стольберг уже считается «прогрессивным» политиком. Давно ли он таким стал? А как же его фраза о том, что «враг России должен быть всегда другом Финляндии»? Или он скажет об этом позже? Ладно, теперь, вероятно, уже и не скажет. А что там генерал? А генерал Маннергейм, захвативший власть, не согласен уступать Советской России всех территорий, завоеванных РККА, но готов отодвинуть свои границы на восемьдесят верст от Петрограда, взамен равнозначных территорий в Восточной Карелии.

И в настоящее время в Москве проходит заседание Политбюро, решавшее задачу – не то продолжить войну, не то заключить мир с финнами. Ситуацию усугубляет позиция Англии, пока еще не высказавшей никаких ультиматумов, но давшей понять, что она может вступить в войну на стороне Финляндии. Но в Финляндии уже поднял голову пролетариат и трудовое крестьянство, потерпевшее поражение, но не сломленное, а теперь готовое протянуть руку помощи доблестной Красной Армии.

Еще меня озадачили сообщения с западного рубежа. Еще во Франции, читая сообщения о том, что Советская Россия сосредоточила на финской границе огромную армию, опасался, что этим могут воспользоваться поляки. Сто семьдесят тысяч штыков и сабель нужно было где-то взять. И, судя по информации французских журналистов, шла переброска войск от польской границы в Петроград. А ведь братья-славяне вполне могли воспользоваться ослаблением нашего Западного фронта и нанести удар. Что ж, как я и предполагал, поляки начали наступление по всему фронту, но вместо ослабления красных позиций наткнулись на ожесточенное сопротивление, а на некоторых участках попали в огненные мешки. И теперь, вместо нового шествия по Крещатику, легионеры вынуждены отступить за Буг, спешно укрепляя левый берег.

Командующий Западным фронтом Егоров не стал развивать наступление, а остановился на правом берегу реки.

Решение очень даже разумное. Силы фронта уже не те, что полгода назад, да еще и ослаблены переброской войск на Северо-запад.

Подумал о переброске, и что-то меня смутило. Что именно я пока не мог понять. Крутились какие-то мысли, вопросы. И ведь не прямо сейчас они появились, а в процессе. Надо бы все это (мысли и их обрывки), привести в порядок. И хорошо бы Артузова заполучить, чтобы он ответил на некоторые вопросы.

Кстати, по польской войне Политбюро тоже нынче заседает. Видимо, на заседании станут решать две проблемы – и польскую, и финскую.

Так что же, война или мир? Что решит Политбюро? Хотелось бы верить, что победит здравый смысл. Седьмой год война длится, куда, дальше-то? Народ устал, армия тоже. Такого голода, как в моей истории уже не будет, но с хлебом все равно хреново. С оружием и боеприпасами швах. Или у руководителей государства шлея попадет под фалды, и они опять вспомнят о Мировой революции, ради которой начнут губить тысячи ни в чем не повинных людей?

Жаль, что меня никто не спросит, а если бы и спросили, то я сказал бы, что мир нужно заключать. И дело здесь не в Англии даже. Не думаю, что бритты, после только что закончившейся войны, готовы опять вступать в бой, растрачивать человеческие ресурсы и деньги, а из собственных интересов.

Хватит воевать, пора созидательным трудом заниматься. Надо дипломатические отношения устанавливать, полпредов в Европы засылать. А я, силами ИНО, начну потихонечку нормальную работу – обеспечивать наши дипломатические представительства разведчиками под прикрытием, устанавливать нелегальные резидентуры. М-да, мечта, песня, сказка. Рутинная работа, когда наши разведчики воруют вражеские секреты, попутно мешая ихним шпионам воровать наши.

Жаль, что я сейчас не в Москве. Понимаю, что вряд ли бы повлиял на исход событий, но хотя бы получал информацию не из газет, а из первых рук. И не с опозданием в день-два, а сразу.

Чекисту и коммунисту верить в Бога не положено и, потому, рука не поворачивается написать, что Господь услышал мои молитвы и в палату заявился Артур Артузов. Но начальник контрразведки ВЧК и на самом деле явился.

– Володя, добрый день, – поприветствовал меня друг и коллега. – Извини, что раньше не смог зайти. Сам понимаешь, запарка.

– Верю, – кивнул я.

Артур расстегнул шинель, подумал, снял ее и кинул на спинку стула, а сам уселся ко мне на кровать и спросил:

– Как ты тут? Шоколад остался? Если нет, сегодня же привезут.

Я только отмахнулся:

– Я уже твоим шоколадом объелся. Расскажи-ка лучше – выявил ты причины Кронштадтского мятежа?

– А чего их выявлять? Причины простые – частично, недовольство матросов и солдат Советской властью. Частично – влияние иностранной агентуры и эмиссаров белогвардейцев. Опять-таки, социал-революционеры и бывший товарищ Савенков здесь отметились. Главных фигурантов, которые не успели сбежать, уже задержали, ведем допросы, а теперь работаем с разной мелкотой, вроде профессора Таганцева.

Услышав о профессоре Таганцеве я сразу же наострил уши. Ведь из-за него был расстрелян мой любимец Гумилев.

– И что с Таганцевым? – поинтересовался я, постаравшись, чтобы прозвучало как можно небрежнее.

– Пока не могу сказать, – пожал плечами Артузов. – Я с Кронштадтом разобрался, а по Таганцеву и прочим гражданским, пусть начальник Петрочека занимается, товарищ Семенов. Он, кстати, говорит, что с тобой знаком. Позвони, да поинтересуйся. А ты что, Таганцева знаешь?

Ишь, контрразведчик, заметил мой интерес. И что сказать? Сообщить Артузову, что по делу Таганцева проходил поэт Николай Гумилев? Так может, в этой реальности про Николая Степановича никто и не вспомнит, а я язык вытяну.

– Фамилию слышал, географ известный, – выкрутился я. – Еще знаю, что он донными отложениями занимается. Название смешное – сопрель, апрпель, не то еще какое-то. Ил, растения сгнившие, рачки дохлые.

– Сапропель это называется, товарищ гуманитарий, – вздохнул Артузов. – Мог бы и запомнить. Его, кстати, в качестве удобрения используют, а еще в медицине.

– И почему ты такой умный, товарищ металлург? – улыбнулся я.

– Ты не забыл, что твой бывший начальник и мой дядюшка врач? Увлечение было накануне войны – ревматизмы донными отложениями лечить, неврастению у барышень с помощью ила изводить, и всего прочего. Вот, я и нахватался, – пояснил Артур.

– Кстати, а Михаил Сергеевич как поживает? – поинтересовался я. – Не хочет ли снова в наши ряды встать?

– Володя, ты же знаешь, что со здоровьем у него плохо. Вроде, подлечился, сейчас уполномоченным по рыбной промышленности работает. Тебе бы лучше самому с ним поговорить, но он нынче на Каспии.

– Жаль, – протянул я. – У меня на Каспий ехать времени нет, а ждать, когда он в Москве появится, сам понимаешь, тоже некогда. А я бы ему работенку предложил непыльную.

– А что за работенку, если не секрет?

– Какие секреты от друга? – хмыкнул я. – Я бы его резидентом сделал в Европе. Где именно, пока и сам не знаю, но придумаю.

– Ничего себе – непыльная работенка! – фыркнул Артур. – Хочешь моего любимого дядюшку на нелегальную работу отправить? – Помешкав с пару секунд, Артузов посерьезнел. – А знаешь, я об этом с ним поговорю. Может, и согласится, да еще и обрадуется. Он же на нелегальной работе много лет был, не привыкать.

– Вот-вот, – кивнул я. – Такого человека, как Кедров, держать уполномоченным на рыбе – нерационально. А у меня, как знаешь, кадровый голод.

– Поговорю, – решил Артур. – Если согласится, то я его в Париж отправлю, в торгпредство, а там уж ты сам решишь, где его задействовать.

– Нет, прямо в торгпредство не надо, – замахал я руками. – Кедров – человек очень приметный. Кто его знает, не заинтересуются ли им? Я тебе для него адрес явки оставлю. И пароль дам, на всякий случай.

Использовать Кедрова на нелегальной работе я хотел давно. Поначалу мыслил отправить его в Швейцарию – либо в Цюрих, а либо Берн. А что? Будет сидеть в кафе на Цветочной улице, присматриваться, принимать, подбирать агентуру для работы во Франции, или в Германии. И что хорошо, так это то, что Михаил Сергеевич в тех местах уже бывал, там получал медицинское образование. Но поразмыслив здраво, идею со Швейцарией отменил. Как знать, не найдется ли в тех местах кто-нибудь из его старых знакомых, или сокурсников по медицинскому вузу? Большевики секрета из своей партийной принадлежности тогда не делали, так что, зачем рисковать? Но человек с таким опытом работы, как Кедров, мне очень нужен.

От раздумий меня отвлек Артузов.

– Вижу, что ты на поправку пошел, если тебе разрешили читать, – сказал Артур, кивая на газеты, раскиданные по постели.

– Ага, – кивнул я.

– И что ты можешь сказать о политике нашего государства?

– О политике – ничего не могу сказать. Может, ты просветишь? Что там на Политбюро затевают – войну до победного, или мир? Или пока сказать невозможно?

Артур сделал задумчивое лицо, почесал затылок, потом изрек:

– Сам понимаешь, пока политбюро решение не вынесет, сказать сложно. Слухи разные ходят. Есть мнение, что и войну-то с финнами затеяли, чтобы поскорее мир заключить. Но это, сам понимаешь, только домыслы.

Я покивал с очень умным видом, хотя понимал, что актерствовать у Артузова получается лучше, чем у меня и задал вопрос, заходя издали:

– А скажите-ка мне, товарищ начальник отдела контрразведки, прислушались ли вы к моей информации?

– К какой именно? – сделал Артур непонимающий вид.

– А к той, которая касалась крота в штабе фронта.

– Это который журналистам сливал информацию? – невинно поинтересовался Артур. – Так Володя, у тебя же никакой конкретики не было. Как тут работать? А крот мог и не в штабе фронта служить, а где угодно.

– То есть, дезинформацию французам сливал ты? – обличительным тоном спросил я. – А в реальности и не было здесь ста семидесяти тысяч штыков.

– Умный ты, товарищ Аксенов, – покачал головой Артур. – Но, если честно, идея не моя, а армейцев. Кто именно придумал, не знаю. Возможно, что сам товарищ Троцкий предложил или Ворошилов. А может быть Фрунзе или Егоров? Они решили двух зайцев убить – финнов разгромить, и заставить поляков начать наступление, чтобы в ловушку поймать. А как лучше это сделать? Создать видимость слабости, верно? Разведупр по своим каналам дезу пустили, а нас уже задним числом в известность поставили, помочь попросили. А ты как догадался?

– Не сразу, – признался я. – Вначале обратил внимание на кое-какие несоответствия.

– Например? – заинтересовался Артузов.

– Я, когда в Череповецкую губернию ездил, то с чекистом на вокзале разговорился. А он удивлялся – мол, почему, если война с финнами скоро, то через Череповец эшелоны не идут? Странно, верно? Вот тут я и начал думать. Понятное дело, что с Западного фронта удобнее гнать поезда напрямую, из Москвы в Петроград, но что же тогда с дорогой станется? А с учетом, что паровозы старые, изношенные, тогда будет полная задница. Но в Петроград можно и через Вологду с Череповцом ехать. Собственно-то говоря, железную дорогу из Владивостока через Вологду в столицу и провели, чтобы был запасной путь из Москвы на Питер. Если эшелон из Москвы через Вологду, то ехать на сутки дольше, но железную дорогу можно изрядно разгрузить.

– Правильно мыслишь, – кивнул Артур. – Мы тоже потом спохватились – мол, надо было по Петроградско – Вологодской линии побольше паровозов запустить, но с паровозами, сам знаешь, нехватка. Но к счастью, не заметили.

– Потом, во время подавления мятежа еще одна мысль пришла. Командарм седьмой армии Надежный запросил помощи у Фрунзе, а тот прислал всего тысячу человек. Будь у Михаила Васильевича сто семьдесят тысяч, он бы тысячу только из ездových да писарей набрал. Значит, у Фрунзе народа было гораздо меньше.

– Конечно меньше, – кивнул Артузов. – Так сам посуди – зачем отправлять громадную армию против финнов, у которых в строю и всего-то тысяч тридцать наберется? У Фрунзе, как я понимаю, тысяч пятьдесят или шестьдесят наберется. Еще можно сюда приплюсовать твою родную шестую армию. Но армия она лишь по названию. В ней не больше пяти тысяч штыков.

– А укрепрайоны? Оборонительные линии?

– Да какие у них укрепрайоны? – вытаращился Артузов. – Армейская разведка хорошо поработала. Выяснили, что оборонительные рубежи они пока еще только собрались делать.

Даже укрепления в шесть верст делать, в две линии, как у нас было накануне империалистической, так вначале нужно изыскания провести, проект подготовить, а потом уже инженерные работы проводить. А у финнов на это ни денег нет, ни людей. У них пока еще только генерал Энкеле запрос в парламент готовил, о выделении средств.

Да, чего это я? Верно, если о финнах, то сразу придет на ум «линия Маннергейма». А какая линия, если только двадцать первый год? У финнов пока еще и «линии Энкеле» нет.

– Так что, не было смысла большие силы на финнов тратить. И Западный фронт обнажать опасно, сам понимаешь, – пришел Артузов к заключению.

– Гениально, – искренне восхитился я. – И финнов разбили, и поляков из нор выманили. Теперь бы еще мир заключить на хороших условиях – так и совсем прекрасно. – Но все-таки, следовало сделать обиженный вид. – Но мог бы, между прочем, хотя бы намекнуть, чтобы мои люди крота перестали искать.

Артузов почесал кончик носа, хитренько, почти как товарищ Ленин посмотрел на меня:

– Володя, я поначалу хотел сказать, а потом подумал – Аксенов парень дошлый. Он до всего этого сам дойдет и все поймет...

Артур затих, а глазенки сделались еще хитрее и мне пришлось самому сделать вывод:

– А еще ты решил, что если Аксенов, по своим каналам отыщет «крота», то можно будет армейцев носом ткнуть – вот, мол, какие у вас источники информации, то есть, дезинформации ненадежные, если их ИНО сумело раскрыть. Так?

– Почти, – признался Артузов. Вздыхнув, признался: – А еще я подумал – а вдруг Володька Аксенов у Фрунзе или у кого-то еще настоящего шпиона найдет? Не может такого быть, чтобы французы в наших штабах своих шпионов не держали. Верно?

Глава четвертая. Аванс для мышки

Скучно. Новых художественных альманахов нет, а свежей газеты хватает минут на пятнадцать. Новостей интересных тоже нет, за исключением тех, которые мы с Артуром уже спрогнозировали – Политбюро приняло решение заключать мир и с Польшей, и с Финляндией. Вот, разве что, небольшое сообщение о том, что во время освободительного похода Красной армии, очищавшей Грузию от белобандитов, посильную помощь нам оказал флот Крымской республики. Я ничего не пропустил? Когда мы успели подписать договор со Слащевым о военном сотрудничестве? Или это инициатива генерала? Нет, пора выздоравливать. Мне бы Москву, готовить людей для участия в делегациях. Ладно, авось Бокий не подкачает. А я буду пролеживать бока и просыпаться по утрам от вопля медсестры, разносившей градусники. А к воплям чаек я уже начал привыкать, а ведь совсем недавно, на полном серьезе, подумывал – а не назначить ли премию тому ученому, который петроградских чаек заставит мигрировать в Норвегию или в Швецию? К финнам слишком близко, противные птички обратно вернуться. А скандинавы привыкшие, пусть слушают.

Выписывать меня Алевтина Георгиевна отказывалась напрочь – мол, надо с недельку понаблюдать, а уже потом принять решение. Подозреваю, что будь я персоной калибром поменьше, нежели член коллегии ВЧК и прочее, меня бы уже выкинули из госпиталя, чтобы не занимал палату, в которую можно поставить вместо одной кровати, штук пять коек, тем более, что к нам везли раненых с финского фронта. Я, было, заикнулся, что могу и в общей палате лежать – все не так скучно, но меня и слушать не стали.

Но дождался-таки праздника. Нет, еще не полной выписки, а разрешения выйти в город погулять, часика на три-четыре. Алевтина Георгиевна взяла с меня слово, что к десяти часам я непременно вернусь и распорядилась выдать мне мое барахло, хранящееся в госпитальной каптерке.

К своему удивлению, среди одежды обнаружился вещмешок, оставленный мною в казарме. Я его на штурм форта не брал, зачем он там нужен, да и тяжесть лишнюю не было смысла таскать. Думал, что мое барахлишко уехало в Москву, или попало в «хорошие» руки. Оказывается, зря я так думал. Не сомневаюсь, что это Витька Спешиллов постарался. И вещишки уберег, и мне их сумел переслать. Сам-то комиссар, как я уже знал, вместе с отрядом вернулся делегатствовать на Десятом партсъезде.

Взяв в руки шинель, не удержался и выматерился. Спереди она выглядела вполне приличной, даже новой. А вот сзади... Какие-то дырки, лохмотья грубого сукна, словно ее волочили по острым камням. Эх, эту шинель уже штопать бесполезно, а можно оставить госпиталю на хозяйственные нужды. Странно, что шинель пострадала, а спина, вроде бы, и ничего. Впрочем, еще и не так бывает. Штаны вроде бы ничего, не пострадали. Так, теперь гимнастерка. У нее спина в целости и сохранности, а вот передняя часть словно бы кем-то покусана. Это что, ордена так снимали? А гаечки отвинтить не судьба была?

Мне стало грустно. Решив, что утешусь хотя бы сменой чистого белья, вместо застиранного госпитального, потянул «сидор» к себе. Странно, но он оказался тяжелее, чем я рассчитывал. В моем вещевом мешке было только самое необходимое – смена белья, зубная щетка с порошком, кусочек мыла и футляр со станком. А на самом донышке лежала пачка денег. Не то двести тысяч, не то триста. Развязав, обнаружил сверху банку американской тушенки килограммов на пять, завернутую в мою запасную пару белья...

Комиссар, ерш твою медь! Понимаю, Витька хотел, как лучше, а что я теперь стану делать с промасленным бельем? И кто додумался смазывать жестяные банки солидолом?

Кстати, а где мои ремень и шапка? Либо пропали в суматохе, либо исчезли уже в госпитале. Ну, хотя бы сапоги на месте, уже неплохо. Их бы еще почистить, так и совсем хорошо. Видел внизу место для чистки обуви, где щетки и огромная банка с ваксой. Излажу.

Итак, из госпиталя выходит субъект, в драной шинели, без пояса, без головного убора. Хорош член коллегии ВЧК, похожий на бомжа. Пожалуй, до первого патруля дойду, а там задержат, не поверив, что большие начальники бродят по городу в таком виде.

Но надо везде искать положительные моменты. Теперь можно чистить зубы французским зубным порошком, а не мелом, что привезли люди Артузова. Но вот в футлярчике, где лежит мой «Жиллет», было пять лезвий, а теперь одно. Кто-то позаимствовал, но сделал это достаточно деликатно. Впрочем, это уже неважно. И деньги на месте.

Совзнаки я даже считать не стал. Понимал, что будь здесь хоть двести, хоть триста тысяч, но пока я пребывал в госпитале, деньги опять обесценились. Купить на них уже ничего нельзя.

Все не так страшно, но поход в город придется отложить. Дождаться Артузова, чтобы тот дал поручение привести мне одежду? Но Артур мог появиться через неделю, или вообще не появится. Наверное, придется одолжить у кого-нибудь из раненых шинель, пояс и сбегать до ближайшей лавки или на Апраксин двор, да принарядится.

Я предавался унынию уже минут пять, как явилась мышка-норушка по имени Мария Николаевна.

– Вот, уволилась, – торжественно сообщила девушка.

– Уволились – это хорошо, – меланхолично отозвался я, погруженный в собственные мысли.

– Уволили без отработки, директор сказал, что в этом случае мне выходное пособие не положено. Я за авансом пришла.

– За авансом? – слегка охренел я от такой наглости. Видимо, это у них тоже семейное.

– Разумеется, – пожалала девица костлявыми плечиками. – Вы же сами сказали – увольняйтесь, я вас на службу беру, а я вам поверила. А если на службу берете, так и жалование должны мне платить. Жить-то ведь мне на что-то надо? А по музеям на какие деньги ходить? В Эрмитаже уже десять тысяч с носа берут, а в Русском музее восемь.

– Деточка, я похож на кассира? – поинтересовался я. Обведя взглядом больничную палату, спросил: – А это помещение напоминает контору ВЧК?

– Ва-первы-ых, – противным голоском протянула барышня, прищулив глазенки в окаймлении белесых ресниц. – Я вам не деточка, а агент ВЧК, раз вы меня сами взяли на службу. Извольте называть меня по имени-отчеству. Ва-вторы-ых, в Петрограде есть управление ВЧК. Я думаю, вы напишете им записку, а я схожу в кассу и получу деньги. Вы же начальник важного отдела, местные чекисты должны вас слушаться.

Я уже начал жалеть, что предложил нахальной девице место в Иностранном отделе. Но теперь уже и отказываться от нее было бы неприлично. А еще я понял, отчего ее уволили без отработки, да еще и в конце учебного года. И нашу «кухню» она себе не представляет. Теоретически, Петрушка может помочь мне деньгами, но это не такое быстрое дело. А по «записочке» точно ничего не дадут.

Откашлявшись, и сделав внушительный вид, насколько позволял старый больничный халат, я сказал:

– Уважаемая Мария Николаевна, все не так просто. Вначале придется перетерпеть бюрократические проволочки. Не забывайте, что я должен оформить вас на службу, а уже потом вам следует заводить разговор об авансах или пайках. Думаю, директор вашей школы неправ. Стоило поднять скандал, пожаловаться в вышестоящую организацию.

– Я согласна, – неожиданно согласилась Мария Николаевна. – Если бы я уходила не в ВЧК, а на другую службу, так и бы и поступила, и мой директор бы сто раз пожалел, что не

отдал мне мои кровные деньги. Но я решила, что не стоит поднимать шум, привлекать к себе лишнее внимание.

– М-да, – протянул я. – Не знаю, что теперь с вами и делать.

Самое интересное, что девушка права. Никто меня за язык не тянул, сам предложил. А когда я смогу оформить ее на службу, вывезу за границу? Неделя, как минимум. Мне нужно приказ издать, в штатку ее включить, в бухгалтерию сходить... На что ей жить это время? А я, самое смешное, даже заявления о приеме на работу у нее не взял, а нужно еще кучу бумаг заполнять, анкеты, опять-таки. И своей властью я дочку бывшего статского советника в штат не включу, здесь уже подпись Дзержинского потребуется. Но я не подумал, что она так вот сразу возьмет, да и уволится из школы и явится ко мне. Так что с меня взять, с контуженного, да еще и об лед ушибленного?

– Кстати, я могу взять аванс продуктами, – заявила бывшая учительница, узрев банку тушенки. Ухватив жестянку заagreбущими ручонками, взвесила ее и с удовлетворением сообщила: – Фунтов двенадцать, не меньше. В школе такого в паек ни разу не выдавали, начальники зажимали.

Тушенки конечно жаль, но я обреченно махнул рукой:

– Забирайте.

– А можно я ее прямо в рубаше возьму? – не унималась девица. – Она теперь уже ни на что не годна, а мне тащить легче.

– Да хоть в кальсонах тащите, – буркнул я.

Скрылась бы она с глаз долой, вымогательница. Пожалуй, в отдел я ее возьму, но за границу она не поедет, оставлю в Москве под благовидным предлогом. Пусть товарищу Бокию делает переводы иностранных газет. Но вместо того, чтобы утащить «аванс» в свою норку, отставная училка спросила:

– Владимир Иванович, а что вы такой невеселый? – Мне не хотелось объяснять ситуацию, делиться с нахалкой проблемами своего гардероба, но она уже догадалась сама: – Одежда вышла из строя? Ух ты, как вас собаки подрали.

– Нет, это я от злости сам решил и шинель, и гимнастерку изгрызть. А теперь сижу вот, и думаю – может мне с вас ваше пальтишко снять, чтобы было в чем в город выйти?

– Не налезет на вас мое пальто, – совершенно серьезно отозвалась девица. – Да и неприлично будет, если большой начальник в женской одежде по городу расхаживать станет. Может, вам следует обновить собственный гардероб?

– Мысль очень дельная, товарищ Семенцова, – саркастически отозвался я, вытаскивая из мешка совзнаки и протягивая их девушке. – Посчитайте и скажите – на что этих денег хватит? Пальто можно купить, пусть и ношеное? Я тут малость от жизни отстал.

Совзнаки девушка посчитала быстро, едва ли не со скоростью банкомата, проверила на подлинность и сообщила:

– Двести тридцать пять тысяч. Возможно, хватит на новую рубашку и брюки, на портянки останется. А вот касательно военной одежды – я даже и не знаю, не интересовалась. Но гимнастерка дороже стоит, чем гражданская рубашка. А демисезонное мужское пальто нынче за три лимона торгуют, а хорошее, так и все четыре, а вам бы еще шапку или шляпу купить. Лучше шапку с наушниками. Хотя и апрель, но везде еще снег лежит, с Невы сильно дует. Значит, нужно лимонов пять, не меньше.

– Если бы мы в Москве были, то без проблем, а здесь, в Питере, у меня даже знакомых никого нет. А даже если бы и были, как я в таком драном виде к ним пойду?

– Владимир Иванович, а у вас, случаем, никакой тайной захоронки нет? Знаю, что у мужчин такие бывают. Мой братец обычно золотой червонец в углу прятал, а я порой находила.

И впрямь, чего это я? «Захоронка», которую в моем мире мужчины именовали «зачачкой», у меня была. Причем, в самом сокровенном месте – под обложкой партбилета, поближе

к сердцу. Но не червонец, а десять долларов США. Остальные-то деньги остались в кабинете, а одну американскую бумажку взял. Мало ли... Надеюсь, хоть гринны не обесценились?

– Ух ты, – протянула девушка, осматривая десятку. – Настоящая. Раньше за такую можно было срок получить, а то и к стенке бы поставили, а нынче за нее пять лимонов дадут, не меньше.

– А что, за доллар уже пятьсот тысяч рублей дают? – удивился я. – Месяц назад за него сто давали.

– За месяц много воды утекло, – рассудительно сказала девица. Посмотрев на меня, попросила: – Встаньте, пожалуйста.

Не поняв, в чем дело я послушно встал, а Мария Николаевна вытянула руку, дотронулась до моей макушки ладошкой, измерила плечи, используя пальчики вместо мерной линейки, хмыкнула:

– Я сейчас быстренько сбегая, пальто куплю, пиджак и рубашку с кепкой. Сапоги у вас крепкие, почти новые, штаны неплохие. Изысков не обещаю, но подберу, чтобы в люди было не стыдно выйти. Батюшка всегда меня к портному вместе с собой брал, чтобы я могла на глаз определить, какую мужу одежду шить. А консерва пусть здесь пока постоит, потом заберу.

Мария Николаевна отсутствовала часа четыре, но явилась довольная, запыхавшаяся, с мешком всякого добра.

– Вот, доллары продала хорошо, по шестьсот тысяч. Берите. Пальто вначале примерьте, – едва ли не приказным тоном заявила моя подчиненная. – Можете прямо на халат надевать. Если не подойдет, сбегая, поменяю. Но должно быть впору.

Пальто и на самом-то деле пришлось впору. Не новое, но по нынешним временам сойдет за парадное.

– Я отвернусь, а вы теперь полностью оденьтесь, и все прочее примерьте.

Все подошло, я даже и не сомневался. Жаль, что в палате не было зеркала, но я знал, что выгляжу, как типичный пролетарий в гражданско-военной одежде. Хорошо, что Наташка меня не видит, она бы долго смеялась. Хотя, дочь графа Комаровского среди своих «коммунаров» еще и не такие наряды могла видеть.

– Здесь сдача, – сказала девушка, выкладывая на тумбочку несколько бумажек. – Если вам она не нужна, то я себе оставлю, на извозчика потрачу, чтобы консерву не тащить.

Ишь, она еще и честная. И как после этого не оставить бедной девушке сдачу? Нет, а она точно трудилась учительницей в Единой Трудовой школе Петрограда? Не подрабатывала ли тайком приказчиком в магазине готового платья? Подозрительная личность, мадмуазель Семенцова.

– Сегодня уже поздно гулять идти, – сказала девушка. – Темнеет быстро, а фонари у нас не горят. А в потемках и напасть могут, и не увидите ничего. Давайте завтра? Не возражаете, если и я с вами погуляю? Пройдемся по городу, а вы заодно мне о будущей работе расскажете, чтобы поподробнее, а не как в прошлый раз.

Я выглянул в окно. И впрямь, уже надвигались сумерки и на прогулку выходить поздно-вато. Завтра схожу. То есть, вместе сходим. А насчет подробностей, это она права. Но у меня и у самого только наметки есть, а инструкций для будущего сотрудника никаких нет. Предполагал, что на досуге все обмозгую. Впрочем, так даже и не хуже. Девица толковая, все схватывает на лету. Авось, сама что-нибудь придумает. Вон как насчет прачечной ловко придумала.

– А как вы по темноте домой пойдете? – забеспокоился я. – Извозчика где ловить станете? Может, вас проводить?

– Извозчик у меня уже здесь, недалеко от входа в госпиталь стоит, – успокоила меня Мария Николаевна. – Мне до Шпалерной и идти-то всего ничего, просто не хочу с банкой дорогих консервов тащиться, могут ограбить. Да, – спохватилась девушка, – а куда мы с вами завтра пойдем? Вы Петроград хорошо знаете? Или, как все москвичи, его недолюбливаете? Я

бы вас в Летний сад сводила. Туда пускают бесплатно, статуи пока не разбиты и не слишком загажено.

– Нет, Петроград я очень люблю. Тем более, что я не совсем москвич, а может даже и не москвич вовсе. А мы с вами пойдем не в Летний сад, а в Александро-Невскую лавру, – решил я, хотя еще недавно понятия не имел – куда пойду. Наверное, хотел просто побродить по Невскому проспекту, посмотреть, насколько он отличается от другого Невского.

Вслух мадмуазель Семенцова ничего не произнесла, но белесые реснички задергались, демонстрируя непонимание.

– Поверьте, милая девушка, – назидательно сказал я и, не дожидаясь визга, спешно поправился. – Виноват, Мария Николаевна... Так вот, уважаемая коллега. В Летний сад лучше ходить летом, или осенью, а не ранней весной, когда кругом сор и грязь, а еще мокрый снег. Летний сад – он для романтических прогулок хорош, когда дама с кавалером неспешно прогуливаются, ручкижимают и стихи читают друг другу. А мы с вами люди серьезной профессии. Вы же без пяти минут тоже чекист. И нам с вами следует думать не о каких-то романтических бреднях, а о серьезных вещах. И нет лучше места для принятия важных решений, нежели старое кладбище, где надгробия великих людей помогают оформлять мысли.

Глава пятая. Выстрелы в лавре

И чего я решил съездить именно в Александро-Невскую лавру? Наверное, попал под обаяние повести о славной победе Александра Ярославовича. А по преданию, шведов разбили именно на том месте, где стоит обитель.

В пальто (кстати, аглицкого сукна) я выглядел как нэпман средней руки, а мадмуазель, наряженная в бархатную кацавейку, бархатную же шапочку и новую юбку, походила на себя самую – то есть, на учительницу из «бывших». Правда, муфточек у учительниц я не видел ни в том мире, ни в этом – перчатки удобнее, но это уж кому что нравится.

До лавры не ближний крюк, а шлепать пешком от Васильевского острова, где размещался мой госпиталь, никак не хотелось. Потому, ехать решили на извозчике.

Дядька запросил сорок тысяч. Сумма показалась мне вполне приемлемой и я уже собирался соглашаться, но не тут-то было – Мария Николаевна устроила такой торг, что в конечном итоге возчик согласился на двадцать тысяч. А ведь я, когда умудрялся выколотить из прижимистых французских капиталистов скидку в десять, а хоть бы и в пять процентов, страшно собой гордился. Нет, мне еще учиться и учиться.

Долго ехали молча. Я смотрел по сторонам, отмечая, что город потихонечку оживает. Вон, уже вместо досок заблестели витрины, появились вывески, зазывающие народ покупать мануфактуру, хлебопродукты и колбасу, а также воспользоваться услугами похоронных бюро и ювелирных магазинов. Вывески мне напомнили мое историческое время, годов девяностых, с той лишь разницей, что не было засилья иностранных слов. Еще отсутствовало слово «империя», так любимое многими моими современниками, лепившими их куда надо и куда не надо. Типа – «Империя сумок» или «Империя унитазов».

– Надо бы выбраться, – вздохнул я, кивая на угол Невского и Пушкинской улицы, украшенного старорежимной надписью «Бани. цѣна 55 копеекъ». Что-то дороговато. Читал, что до революции можно было попариться и за пять копеек, и за пятнадцать. Хотя, это же Невский проспект. А помыться бы мне не мешало. В госпитале горячей воды нет, а мыться холодной неприятно.

– Лучше вы к нам в гости зайдите, дешевле выйдет, – предложила Мария Николаевна.

– А у вас в квартире есть парная? – удивился я.

– У нас в квартире есть нагревательная колонка, – сообщила барышня. – Если пойдете в баню, с вас возьмут не меньше двухсот тысяч, да и грязно там, в общественных банях, а у нас все гораздо приличнее. – Я чуть было не завопил от радости, мол, родная, как же это здорово, но был поставлен на место следующей фразой. – Сажень дров нынче обходится в триста тысяч. Но у нас есть запас, папенька купил, можете дать тысяч пятьдесят и, пожалуйста, купайтесь.

Поначалу я слегка возмутился. Девушка приглашает в гости своего потенциального начальника, но собирается слупить с него денежку. Но с другой стороны, все вполне справедливо. Ибо, как говаривал классик: «Овес нынче дорог».

– Заметано, – кивнул я.

– Что, простите? – вытаращилась Мария Николаевна.

– Заметано – значит решено, и мы с вами договорились, – пояснил я.

– Не знала, что есть такое слово, – хмыкнула девушка.

– Ну, в «Словаре Ожегова» много каких слов нет, постепенно внесут, – беззаботно отмахнулся я и начал пояснять. – Революция внесла много новых слов. А есть еще социолекты. Например – в моем кругу принято говорить не «кобура», а «кабура».

– Понятно. А кто такой Ожегов и что у него за словарь? Я все-таки гимназию закончила, русский язык четыре года преподавала, но ни разу не слышала о таком⁴.

Вот те раз. А что, Ожегов еще не составил словарь? А мне-то всегда казалось, что «Толковый словарь русского языка» под редакцией Ожегова существовал всегда.

– Ожегов – мой знакомый филолог, – начал выкручиваться я. – Он молодой, но достаточно перспективный. Работает вместе с группой ученых. А его словарь выйдет в перспективе, лет через пять, может и попозже.

– Если словарь не вышел, то почему же вы на него ссылаетесь?

Вот ведь, зануда. И, не дай бог при такой сказать «кидаться тортами», вместо «тортами».

– Так надо же мне было на что-то сослаться, – хмыкнул я. – А «Толковый словарь» в одном из изданий крайне необходим. Сколько томов у моего тезки? Шесть?

– У Владимира Ивановича Даля словарь содержит четыре тома.

– Вот видите. Представьте, какого рабочему человеку таскать при себе целых четыре тома?

– Рабочий человек, как и любой другой, должен осваивать знания, чтобы пользоваться ими, не заглядывая в словари.

К счастью, мы подъехали к стенам Александро-Невской лавры. Извозчик, с жалостью посмотрел на меня, взял деньги и тихонько сказал:

– Слушай, парень, я бы такую бабу давно убил. И как ты ее терпишь?

Я только развел руками, подумав, что убить Марию Николаевну – не самый плохой вариант. Женщин еще ни разу не убивал, но можно на ком-то потренироваться.

Сойдя с коляски, я огляделся. Место вполне себе узнаваемо. Конечно, нет памятника самому князю, отсутствуют многоэтажные дома, обрамлявшие площадь, но стены, маковки церквей – все на месте. Даже зеленый цвет куполов не слишком-то блеклый. Заметив, что Мария Николаевна, прикрыв глаза, беззвучно молится, я и сам быстренько осенил себя крестным знаменем, а потом зашнырял глазами по сторонам – не видел ли кто? Хорош чекист и коммунист, крестящийся на храм... Возможно пара дряхлых старух, беседующие с бородатым монахом и видели, ну да кому какое дело? Да, а разве обитель до сих пор действующая? А я-то думал, что иноков выгнали еще в восемнадцатом году. Не знал.

Надвратная церковь, дорожка, вымощенная булыжником, стены. Справа «Некрополь мастеров искусств» или, как она нынче именуется? А вот ворот почему-то нет, равно как и кассы. Напрасно. Церковь уже давно на хозрасчёте, иноки могли бы хоть какие-то денежки зарабатывать. Зато сами саркофаги стоят гораздо теснее, чем мне помнилось. Верно, далеко не все памятники пережили двадцатый век. Деревья пониже, зато кустов больше. И не одни мы здесь, тут и другие люди ходят. Даже странно, что на четвертом году Советской власти кого-то интересуют могилы великих и выдающихся.

– И как пойдём, в какую сторону? – поинтересовалась девушка.

– Справа налево.

Конечно же, справа налево, к могиле Достоевского. Постоять бы в тишине, так нет же, начинают задавать вопросы.

– И какие произведения Федора Михайловича вы вспоминаете? «Идиота»? «Братьев Карамазовых»?

Хотел сказать, что, то самое, в котором герой убивает женщину топором, но ответил честно:

– «Записки из мертвого дома».

Пока Мария Николаевна обдумывала очередной заковыристый вопрос, я отошел к надгробию Жуковского.

⁴ И правильно, что не слышала. Словарь появится в 1949 году.

– Здрасьте, барышня, – услышал я незнакомый, чуть хриловатый голос.

Обернувшись, увидел двух мужчин. Один помоложе, в солдатской шинели, с горлом, обмотанным шарфом, второй постарше и покрепче, в кожаной куртке, из под которой выглядывал треугольник тельняшки. Интересно, как это они подошли так неожиданно? Расслабился я, отвлекся на созерцание памятников. Хреново, что отвлекся. А если бы не отвлекся, чтобы это изменило? Увидев двух незнакомых людей, схватил бы за руку девицу и убежал, или полез в карман за кольтом? Вот-вот.

Молодой, хотя и выглядел более хлипким, отчего-то представлялся мне более опасным, чем тот, что покрепче.

– Вот видите, товарищ Леонид, как мы удачно зашли, – радостно пробасил гражданин в кожанке. – Говорил же я, что может тут контра водится. Я эту барышню еще вчера зыркал, она валюту продавала в Каткином садике.

– Я вчера только одну американскую десятку и продала. А больше у меня нет, и не было, – попыталась оправдаться Мария.

– Да кто вам поверит-то, фифочка? Там где одна, там и вторая, и третья, – хохотнул «комиссар», а хриплый наставительно добавил:

– Валюта, дорогая гражданочка, советской власти нужнее, нежели частным лицам.

– А кто тут представляет советскую власть? – поинтересовался я, оценивая ситуацию. Кольт вытаскивать из кармана труднее, нежели браунинг, но я вчера потренировался. Плохо, что девица стоит на линии огня, но хорошо, что меня – точнее, мой правый, слегка оттопыренный карман, закрывает.

– Мы, гражданин нэпман, из Чрезвычайной комиссии. Вы ж нэпман, правильно? А коли не нэпман, так ни один ли хрен? – прохрипел «товарищ Леонид». – Повторяю, в первый и последний раз, что валюта советской нужнее, чем вам. Так сами отдадите или вытрясти?

Успев потихоньку вытянуть из кармана пистолет, спрятал его за спину и сделал шаг вперед, поближе к Марии Николаевна. Наметив, в какую сторону откинуть девушку, стал убалтывать «чекистов».

– Если мандат покажете, то с превеликим удовольствием. А не то, вы, товарищ... – сделал я паузу, сообразив, кто стоит передо мной, – да, товарищ Пантелеев, или Пантелкин, как правильно? и вы, товарищ Гаврилов, больше на гоп-стопщиков похожи.

Кто-то скажет, что не стоит говорить бандитам, что вы их знаете. Мол, в этом случае они вас в живых не оставят. Но зная, кто стоит передо мной, можно было не сомневаться – эти нас в живых не оставят. А ведь как действуют-то нагло. Посреди бела дня, в людном месте.

– Ну ни х... себе, – выматерился ближайший сподвижник легендарного Ленки Пантелеева, бывший красногвардеец Гавриков. – А ты нас откуда знаешь?

– Да мне пох..., откуда он нас знает, – прохрипел Пантелеев.

– Мочить все равно обоих придется, – пробурчал Гавриков, засовывая руку за отворот куртки.

Неожиданно в воздухе что-то мелькнуло, раздался предсмертный вопль – уж его-то ни с чем не спутаешь, а Мария Николаевна полетела в сторону.

В долю секунды успел увидеть, что Ленка Пантелеев валится на землю, его подельник замешкался и открыв рот в недоумении смотрит на своего атамана, вскинул кольт и выстрелил в Гаврикова.

Твою же мать! И на самом деле, выстрел из кольта на короткой дистанции – убойная штука. Стрелял бы из браунинга, в черепушке бывшего красногвардейца появилась бы небольшая аккуратная дырка, а «толстенная» пуля американского пистолета вынесла Гаврикову едва ли не половину черепа.

Ладно, это потом. Что там с Ленкой Пантелеевым, отчего он вопил? Уже не скажет, мертвехонек – у легендарного бандита проломлен висок. Чем это его так?

Убедившись, что оба злодея мертвы, протянул руку Марии Николаевне. Могла бы, разумеется, и сама встать, но я человек воспитанный.

– Не ушиблись? – заботливо поинтересовался я, посмотрев на надгробную плиту Жуковского. Вроде бы ничего, не пострадала. – Чем это вы его?

Вместо ответа девушка отмахнулась и подбежала к кустикам. Тошнит бедняжку. Как-никак, питерская интеллигенция. Кто другой бы прямо на памятник опустошил желудок.

Проблевавшись, Мария Николаевна вернулась и недовольным тоном заметила:

– Не нужно было так сильно пихаться, я бедро ушибла.

– Бывает, – хмыкнул я. – Прошу прощения, рассчитать в такой момент трудно, а оттолкнуть нужно было. Чем это вы его? Кистенем?

– Угу, – кивнула девушка, подбирая с земли муфточку и что-то увесистое, вроде гирьки, на кожаном ремешке.

Точно, мышка-норушка. В муфточку, стало быть нужные вещи запихиваешь.

Мария Николаевна, посмотрев на кровь, прилипшую к гирьке, отбросила муфточку и кистень в сторону, а сама снова метнулась к кусту. Я быстренько поднял муфту с мокрой земли, продел в нее руку с пистолетом, второй ухватил девушку и рявкнул:

– Блевать потом станешь, ноги уносим!

Надо было побыстрее уматывать. Вон, народ, услышавший выстрел, рванул кто куда – испуганные в сторону ворот, а кто посмелее, те к нам. Сейчас сюда еще монахи прибегут, потом, глядишь, тутошняя милиция нагрянет.

К воротам уже и на самом деле спешили трое монахов и четыре старушки. Протискиваясь сквозь них, я довольно-таки убедительно изобразил испуг:

– Там два бандита друг друга порешили, мозги у них вылетели, а третий с револьвером по кладбищу бежит.

Не прошло. Один монах, что покрепче, зачем-то попытался схватить меня за рукав, еще один перегородил дорогу. Американский пистолет рявкнул, выбивая из-под ног иноків весеннюю грязь и кусочки старых камней, и народ отшатнулся от нас, расчищая дорогу.

– Маша, возьми меня под руку. Идем быстро, без суеты.

Мы вышли, оказавшись на площади. Эх, жаль, что метро нет, зато на том месте, где сейчас станция, стоял одинокий извозчик. Кажется, тот самый, что привез нас сюда. Видимо, не так и много желающих воспользоваться услугами транспорта.

Завидев нас, извозчик собрался тронуть кобылку с места и сбежать, но я помахал ему рукой с муфтой:

– Пятьдесят тысяч, торговаться не станем. На Кирочную, там где кирха...

Уже в коляске, слегка успокоившись, Мария Николаевна спросила:

– А почему мы убегаем?

– А по той же причине, отчего ты не стала требовать с директора выходное пособие, – доходчиво пояснил я. – Зачем мне лишние заморочки? – Не дожидаясь, чтобы девушка стала придирается к словам, спросил. – А кистень откуда? Брат подарил?

– Да ну, брат, – фыркнула барышня. – Мне же частенько по вечерам ходить приходится, а там разное бывает. Насиловать, или убивать-то, положим, не станут, но раздеть могут. Вот и придумала. Я ведь книжки люблю читать. И про воинов, и про разбойников, которые на большую дорогу с кистенем выходили.

– А пользовались раньше?

– Один раз довелось, – призналась девушка. – Правда, по голове не била, а стукнула по локтю. Дурак один пьяный пристал – ладно бы ко мне, а он хотел башмаки с меня снять. Мол, скидывай, девка. чоботы, не я, так другие все равно снимут. Уронить хотел, ну я его и треснула, от всей души. А в локте у него аж хрустнуло. А здесь как-то само-собой получилось. Я и не думала, что насмерть убью.

– Мария Николаевна, Маша... Ты сегодня не только себе, но и мне жизнь спасла. Ты же внимание бандитов на себя отвлекла. Если бы не мы их, то они нас.

– Слышала, что убить первого человека – самое тяжелое. А дальше легче пойдет.

– Надеюсь, Мария Николаевна, что второго такого случая в вашей жизни не будет, – совершенно искренне ответил я. И не из жалости к девушке, а потому, что в ее дальнейшей судьбе, в той, что ей была уготована по моему плану, трупы не просто излишнее, а провал всего дела.

Мы замолчали. Я раздумывал – случайность это, или нет, что на кладбище нас попытались убить и ограбить? Решил, что это все-таки случайность. Был бы за нами «хвост», заметил бы. И Ленка Пантелеев, сколько помню его биографию, не сразу стал грабить квартиры совбуров, а поначалу занимался разбойными нападениями. И мышке-норушке повезло, что ее не ограбили вчера, в момент продажи десяти долларов. А почему не ограбили? Ну, мало ли, почему. У Гаврикова другие планы были, какие-то обстоятельства.

М-да, кто бы мог подумать, что будущую легенду преступного мира убьет на кладбище простая девушка, причем, случайно. Забавно. С другой стороны, нет Пантелеева, так и не станет множества проблем.

– У вас все лицо грязное... – Мария Николаевна поделикатничала, не грязь это. Не иначе, самого Ленки. – Дайте-ка, попробую очистить.

Девушка взяла у меня муфточку и принялась чистить мое лицо. Фу, какой мокрый и противный мех, но я терпел.

– Вот теперь лучше, – заметила девушка. Повертев муфточку в руках, решительно сбросила ее с пролетки.

– Спасибо, – искренне поблагодарил я девушку, упихивая в карман пальто пистолет.

– А до Кировной вполне бы тридцати тысяч хватило, переплатили вы, – заметила она с укоризной.

Если о деньгах вспомнила, значит, ожила мышка-норушка. И не стала спрашивать, почему до Кировной, а не прямо на Шпалерную.

– Меня знобит, – пожаловалась Мария Николаевна.

– Это нервное, – уверенно сказал я, словно врач, ставящий диагноз. А что еще могло быть? Она, хоть и не вызывает симпатий, но молодец. И неизвестно, как бы пошли события, если бы не она и не ее кистень. Получается, что меня снова спасла женщина?

Сделав над собой некоторое усилие, придвинулся ближе и обнял девушку.

– Владимир Иванович, а давайте сейчас и вы к нам, на Шпалерную? – предложила девушка.

– Хорошо, – согласился я, хотя и так собирался не только довезти девушку до дома, но довести ее до квартиры. Если точнее, то до дверей.

– Вы ванну примете, и я заодно искупаюсь, – пробормотала Мария Николаевна. А потом, стеснительно сказала: – У меня бутылка водки есть. Настоящая, не самодельная. Я ее хотела папеньке подарить, но ему вредно, лучше вам...

Глава шестая. Писатель из глубинки

Не помню, я уже упоминал, или нет, что не очень-то люблю поезда? Если да, то прошу прощения за повтор. И если есть выбор – отправляться самолетом, или сидеть и часами любоваться однообразными пейзажами, проносящимися мимо окна вагона, то предпочту первое. Но в двадцать первом году двадцатого века авиарейсов по маршруту «Петроград-Москва» еще не было, и мне пришлось довольствоваться купе. Правда, я оказался в нем единственным пассажиром. В принципе, мог бы заполучить себе и весь вагон, а то и состав, но это уже барство. Да и в народ иной раз надо выходить, пообщаться с простыми людьми, а не то сидим мы по кабинетам, не видя трудящихся масс. Тьфу ты, это куда же меня понесло?

Персональным купе я обзавелся вместе с персональным трехгранным ключом – в портфеле нет ничего секретного, кроме книг, приобретенных на развале возле Фонтанки, а документы, деньги и ордена разложены по карманам, вместе с пистолетом, но дверь лучше запирать. К моему удивлению и радости, в поезде наличествовал вагон-ресторан, куда я не замедлил отправиться. Отчего-то провожавшие меня коллеги, сунувшие мне в портфель бутылку французского коньяка и несколько плиток шоколада, не озаботились жареной курочкой, крутыми яйцами или бутербродами, а покупать еду на станциях в моем положении неприлично. В поезде же у меня всегда начинается жор. И как это я в восемнадцатом ездил не жрамши?

В ресторане выбор невелик, но он был, и я взял себе рыбный суп, котлету с куском хлеба, селедку и винегрет, вспоминая, что подобный ассортимент будет наличествовать в вагоне-ресторане поезда Волгоград-Москва через шестьдесят с лишним лет, когда я возвращался из армии. Помнится, заплатил бешеные деньги – три рубля. Нынче мне пришлось оставить пятьсот тысяч, на которые в этой реальности можно прожить неделю. В мое «советское» время в вагоне-ресторане салаты и закуски подавали на тарелочках из алюминиевой фольги, сейчас же посуда была массивная, металлическая.

Отыскав свободное место, принялся за суп. Осознав, что кроме разваренных костей ничего рыбного в нем ничего нет, отодвинул в сторону и подтянул к себе широкую тарелку, где возлежали селедка, котлета, а в уголку скромно ютился винегрет. Винегрет забыли посолить и на подсолнечном масле сэкономили, но в сочетании с селедкой получилось неплохо.

– Вы позволите? – поинтересовался незнакомый голос.

Передо мной стоял пожилой мужчина с длинными, начинающими редеть волосами, сидящей бородкой, одетый в длинное потертое пальто, штаны с заплатами и старые сапоги, зато на голове красовалась новенькая шляпа. По одежде – типичный крестьянин, разжившийся городской одеждой, но по манерам, скорее всего – представитель сельской интеллигенции. Врач там, народный учитель или священнослужитель, подавшийся в расстриги и ставший совслужащим. Боюсь, что в *мое*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.